

Саратовская духовная семинарія волновалась въ послѣднее время сравнительно съ другими духовными семинаріями мало, то здѣсь сыграла свою роль тонкій тактъ и сердечныя чисто-отеческія отношенія къ семинаристамъ.

Къ сожалѣнію, не всѣ семинаристы должнымъ образомъ понимали эти отношенія и шли и противъ него, и противъ вообще *modus vivendi* семинаріи, что крайне огорчало о. ректора и подтачивало его безъ того сильно разстроенное здоровье, особенно же его больное сердце, которое, наконецъ, не выдержало...

Покойному о. ректору было около 57 лѣтъ. Въѣтъ о его кончинѣ быстро облетѣла городъ, и въ квартиру его (въ зданіи семинаріи) потянулись вереницы лицъ самыхъ разнообразныхъ положеній и профессій, пожелавшихъ отдать почившему послѣдній христіанскій долгъ и помолиться за упокой души его, при чемъ на гробъ покойнаго были возложены нѣсколько металлическихъ и изъ живыхъ цвѣтовъ вѣнковъ. Изъ нихъ одинъ былъ отъ Вольскаго духовнаго училища.

13 іюля около 9 часовъ утра семьею (кромѣ жены-вдовы, остались 5 сыновей и 4 дочери) усопшаго гробъ съ его останками вынесенъ былъ въ кафедральный соборъ, куда въ началѣ литургіи прибылъ Преосвященный Гермогенъ, совершилъ послѣ литургіи, въ сослуженіи нѣсколькихъ лицъ (16) градскаго духовенства, чинъ отпѣванія усопшаго.

За литургіей и во время отпѣванія надъ останками почившаго о. ректора были произнесены «Слова» и «Рѣчи», которыя мы здѣсь и помѣщаемъ.

Во время литургіи, передъ выходомъ со Св. Дарамъ для причащенія вѣрующихъ, бывший ученикъ усопшаго о. ректора, студентъ III курса Кіевской духовной Академіи, іеродіаконъ Веніаминъ произнесъ слѣдующее задушевное «Слово», которое мы, по недостатку мѣста, вынуждены помѣстить въ значительно сокращенномъ видѣ.

С Л О В О.

Подвигомъ добрымъ подвизахся, теленіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день онъ Праведный Судія. (II Тим. IV. 7—8).

Сія слова Свящ. Писанія, братіе—христіане, осушествлены возлюбленнѣйшимъ, почившимъ уже, незабвеннымъ нашимъ дорогимъ о. ректоромъ на самомъ дѣлѣ, въ самой этой жизни скоротечной. Дѣйствительно, кроткій и любвеобильный обликъ нашего добраго пастыря церкви Божіей свидѣтельствовалъ и являлъ въ немъ подвижника вѣры во Христа, подвижника благочестія.

Незабвенный наставникъ, любвеобильный учитель, незамѣнимый воспитатель—отецъ юности скончалъ свое земное поприще и водворяется нынѣ съ праведными: «покой, Спасе нашъ, съ праведными» поетъ св. церкви. И какъ не пѣснословить память сего вѣрнаго, смиреннаго служителя алтара Господня, какъ не ублажать память того, кто былъ правиломъ вѣры и образомъ кротости христіанской!

Да, чтимъ искренно, всѣмъ сердцемъ, честную память твою мы всѣ стояще около тебя, незабвенный воспитатель юношей христіанъ. Глубоко скорбимъ, что ты на время съ нами разлучаешься, но и радуемся твоему тихому, мирному отшествію изъ сего бурнаго житейскаго моря, моря суеты, все святое гонящаго и неспровергающаго... Скорбимъ потому, что не стало между нами видимаго, одобряющаго примѣра смиреннаго, но ревностнаго служителя Царя Небеснаго и Царя земнаго. Радуемся потому, что небесная, вѣчная, блаженная жизнь, въ которую ты водворяешься, краше всѣхъ заманчивыхъ и ласкающихъ, но обманчивыхъ предестей міра сего...

Людимъ вѣка сего, міролюбцамъ, конечно, пріятно пользоваться здоровьемъ, пріятно быть въ довольствѣ и изобиліи, пріятно украшаться одеждами, пользоваться почестями, пріятно смотрѣть на красоту природы, слушать и наслаждаться пѣніемъ, музыкой. Все это пріятно! Но все это пріятное говорить лишь болѣе о чувственной, плотской сторонѣ человѣческаго существа и бытія. Когда-же мы, христіане, углубимся въ ту незримую, небесную, блаженную страну, въ которую отошелъ нашъ дорогой учитель, то все, что люди обычно считаютъ здѣсь пріятнымъ, тамъ становится лишь только мерцающимъ, незамѣтнымъ отблескомъ незаходимаго Вѣчнаго Солнца, дающаго ни съ чѣмъ не сравнимую благодатную радость о Дусѣ Святѣ въ постоянномъ, непрерывномъ, духовномъ утѣшеніи—Богообщеніи. Уже одно понятіе, что здѣсь—земля, брѣніе, а тамъ—небо, нетлѣніе, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о превосходствѣ будущей жизни предъ жизнею настоящей.

Въ эту вѣчную, блаженную жизнь отошелъ отъ насъ возлюбленнѣйшій, дорогой нашъ учитель. Какъ евангельскій добрый пастырь, подвизался онъ добрымъ подвигомъ, подвизался не лицемѣрно, не лицемѣрно исповѣдалъ предъ всѣми вѣру, любовь, надежду христіанскія; исповѣдалъ мужественно въ то антихристіанское время, когда почти все стонетъ и вопіетъ отъ беззаконній и злодѣйствъ людскихъ, когда мятежемъ возмечается земля, зовущая на путь широкій, но пагубный... Не христіанскій это путь! «Аще кто захочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ, и возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ» (Матѣ. XVI. 24)». Вотъ истинно-христіанскій

путь. На этот путь зоветъ всѣхъ Христосъ Спаситель. И только подвигомъ крестнымъ люди становятся Христовыми: Иже Христовы суть, плоть распяша сострастьми и похотѣми (Гал. V. 24). Вотъ почему всѣ истинные послѣдователи Христа шествовали въ горнюю, небесную страну путемъ скорбнымъ, путемъ подвижничества...

И нашъ незабвенный учитель вѣры и благочестія, почившій о. Гавріилъ, шествовалъ путемъ истинно-христіанскимъ, показавъ намъ при этомъ примѣръ вѣры, любви и надежды. Не будемъ же малодушны, не будемъ скорбѣть о его отшествіи отъ насъ, напротивъ, будемъ надѣяться, что Христосъ давшій намъ неложное обѣтованіе прійти вторично на землю во всей славѣ Божества, воскреситъ почившаго. Иду, сказалъ Онъ ученикамъ Своимъ уготовати мѣсто вамъ. И аще уготовлю мѣсто вамъ, наки прииду и пойму вы къ Себѣ, да, идѣже есмь Азъ, и вы будете. И аможе Азъ иду, вѣсте, и путь вѣсте (Іоан. XIV. 2—4). Вотъ какое утѣшительное обѣтованіе далъ Господь апостоламъ и, безъ сомнѣнія, всѣмъ намъ, христіанамъ!

Такое-же утѣшительное обѣщаніе, по примѣру Спасителя, даетъ безмолвно намъ, ученикамъ, нынѣ во гробѣ лежащій дорогой нашъ учитель и пастырь Христовъ, о. Гавріилъ...

Питомцы его, узнавъ о мирномъ и неожиданномъ отшествіи дорогого для нихъ отца—воспитателя, поскорбятъ помолятся о немъ горячими, пламенными молитвами предъ престоломъ Всевышняго, ибо онъ любилъ насъ, своихъ учениковъ, какъ своихъ дѣтей, любили и его мы, ученики, какъ своего отца—учителя, сердечнаго и благопопечительнаго наставника. Да, дорогой нашъ о. ректоръ! ты всегда видѣлъ во всякомъ ученикѣ—питомцѣ прежде всего его *душу* и старался воспитать каждого въ *душу живу* для Бога. Ты смотрѣлъ на ученика, какъ на душу богоподобную, а не какъ на мертвую машину. Ты твердо шелъ наперекоръ совершенной «педагогіи», убивающей и развращающей свѣтлую душу юношей, и тебѣ нерѣдко было прискорбно и больно, когда питомцы твои неохотно или и совсѣмъ не внимали тебѣ и шли иною дорогою...

Прости всѣхъ насъ, дорогой учитель! Помолись за насъ, ибо ты имѣешь дерзновение ко Господу. И мы всѣ молимся за тебя и не престанемъ молиться о прощеніи тебѣ вольныхъ и невольныхъ грѣховъ и согрѣшеній, яко чловѣка.

Твой кроткій, любвеобильный образъ навсегда запечатлѣнъ въ насъ.

Упокой, Боже, Спасе нашъ, съ праведными и со святыми смиреннаго служителя Своего! Помилуй и спаси его молитвами святой Церкви нашей! Вѣрнемъ и вѣруемъ, Господи, что Ты, Праведный и Милосердный, впи-

нешь вѣрнаго, кроткаго раба Твоего въ книгу живота...
Удостой его, Владыко, близкаго съ Собою пребыванія. Аминь.

Слѣдующее затѣмъ, «Слово» произнесено было экспромтомъ передъ самымъ началомъ совершенія чина отпѣваніе почившаго Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Гермогеномъ.

Выясняя характеръ пастырско-педагогической дѣятельности почившаго о. ректора, Преосвященнѣйшій Владыка указалъ на осуществленіе въ ней великой ревности о строеніи «дома Божія» въ сердцахъ врученной почившему паствы, согласно Слову Божию (Псал. 68, 10; ср. Ев. Іоанн. 2, 17).

«Слово» Преосвященнаго Владыки, сказанное отъ сердца къ сердцу и отмѣненное неподдѣльнымъ уваженіемъ къ памяти почившаго о. ректора, произвело на молящихся глубокое и вмѣстѣ скорбное впечатлѣніе: многіе изъ нихъ плакали искренними слезами, сознавая въ этотъ печально-торжественный моментъ, что не стало добраго, сердечнаго чловѣка—начальника учебнаго заведенія. *) Не разъ показывались слезы на глазахъ самаго Преосвященнаго—Оратора, лучше, конечно, другихъ знавшаго, что за чловѣкъ былъ почившій...

Послѣ этихъ двухъ «словъ» произнесены были еще три «Рѣчи». Первую изъ нихъ отъ лица сослуживцевъ Г. І. произнесъ (послѣ прочтенія перваго евангелія) преподаватель семинаріи, «сороботникъ почившаго, протоіерей Іос. П. Кречетовичъ.

Въ своей рѣчи ораторъ выразилъ глубокую вѣру въ то, что на кроткомъ Г. И. оправдаются слова Спасителя; «блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю» (Еванг. Матф. 5, 5) и что посему вѣчный покой почившаго будетъ ему въ честь.

Вторую «Рѣчь» произнесъ (передъ пѣніемъ «Со святыми упокой») бывшій ученикъ почившаго о. ректора, студентъ семинаріи, Вас. Орловъ.

Р ѣ ч ь.

По врожденной намъ любви къ жизни мы боимся смерти и нерѣдко плачемъ объ умершемъ. Между тѣмъ тайновидецъ Іоаннъ, прозиравшій духомъ въ загробную область, свидѣтельствуетъ, что тѣ изъ нихъ, которые умираютъ во Христѣ, не только живутъ, но и блаженствуютъ. «Я слышалъ», говоритъ онъ, «голосъ съ неба,

*) Сердечность почившаго не исключала, однако, въ немъ самостоятельности: рѣ было нужно, онъ былъ вполнѣ самостоятеленъ, но самостоятельность свою онъ растворялъ разумною сорочечностью. Во всякомъ случаѣ, «вергътъ имъ нельзя было. И напрасно «Сарат. Дневникъ» (въ одномъ изъ №№ между 14—16 числами сего іюля) утверждаетъ что при покойномъ о. ректорѣ, по его безхарактерности, дѣла въ семинаріи вершили инспекторы посѣдней, г. Целебровскій, и другія лица. Это—совершенная ложь.